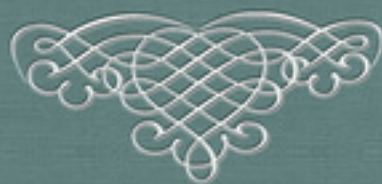

А. А.
БЕСТУЖЕВ-
МАРЛИНСКИЙ

Сочинения

Александр Бестужев-Марлинский

Фрегат «Надежда»

«Public Domain»

1832

Бестужев-Марлинский А. А.

Фрегат «Надежда» / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain», 1832

«О, как сердита я на тетушку Москву, что ты не со мной теперь, мой ангельчик Софья! Мне столько, столько надо рассказать тебе... а писать, право, нечего. Я так много прожила, столь многому навиделась в эту неделю!.. Я так пышно скучала, так рассеянно грустила, так неистово радовалась, что ты бы сочла меня за отаитянку на парижском бале. И поверишь ли: я уж испытала, та *cherie*, что удивление – прескучная вещь и что новость приторнее ананасов...»

Содержание

Княгиня Вера *** к своей родственнице в Москву	5
Письмо второе	9
I	13
Капитан-лейтенант Правин к лейтенанту Нилу Павловичу Накорину	23
От того же к тому же	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Фрегат «Надежда»¹

Посвящается Екатерине Ивановне Бухариной²

В начале бе слово.

Княгиня Вера *** к своей родственнице в Москву

О, как сердита я на тетушку Москву, что ты не со мной теперь, мой ангельчик Софья! Мне столько, столько надо рассказать тебе... а писать, право, нечего. Я так много прожила, столь многому навиделась в эту неделю!.. Я так пышно скучала, так рассеянno грустила, так неистово радовалась, что ты бы сочла меня за отаитянку³ на парижском бале. И пове-ришь ли: я уж испытала, та chérie⁴, что удивление – прескучная вещь и что новость приторнее ананасов. Двор и свет так закружили меня, что я могу выслушать самую безвкусную нелепость не поморщась, увидеть прелестнейшую картину без улыбки. Но петергофский праздник⁵, но сам Петергоф – о, это исключение, это жемчужина исключений!.. У меня еще до сих пор рябит в глазах и в уме, звенит в ушах от грома пушек, от кликов народа, от шума фонтанов и волн, рассыпающихся звуками о берега. Внимательно мы слушали, жадно, бывало, поглощали мы описание петергофских чудес с тобою; но когда я их увидела наяву, они поглотили меня, я забыла все, даже тебя, мой ангельчик! Я летала в небо вместе с водо-метом⁶, падала вниз пуховою пеною, расстилалась благоуханною тенью по аллеям, дыша-щим думою, играла солнечным лучом с яхонтовыми волнами взморья. Это был день, – но что за ночь его увенчала!.. Залюбоваться надо было, как постепенно загоралась иллюминация: казалось, огненный перст чертил пышные узоры на черном покрывале ночи. Они раскиды-вались цветами, катились колесом, вились змеей, свивались, росли, – и вот весь сад вспых-нул!.. Ты бы сказала: солнце упало на землю и, прокатись, рассыпалось в искры... Пламен-ные вязи обняли деревья, перекинулись цветными сводами чрез дороги, охватили пруды звездистыми венками; фонтаны брызнули как вулканы, горы растаяли золотом. Каналы и бассейны жадно упивались отблесками, перенимали узоры, двоили их и, наконец, потекли пожаром. Ропот народа, сливаясь с шумом падающих вод и тихо выблемых дубрав, ожив-лял эту величавую картину своею дивною гармоникою... то был голос волшебника, то была песня сирены⁷. Часу в одиннадцатом ночи весь Олимп спустился на землю. Длинные колес-ницы понеслись по саду, и, право, блестящие дамы двора, которые унизывали их, подобно ниткам жемчужным, могли издали показаться мечтой поэта, – так блестящи и воздушны были они... не исключая и меня. На мне тогда было глазетовое платье, которое, не знаю, право, почему, называется при дворе русским, испод белый атласный с золотом... Что за фасон, что, за шитье, Софьюшка, – хоть на колени стать перед ним! Новый берет с райскою птичкою (мне подарил его вчера муж мой) очень шел ко мне, и если б я не верила зеркалам,

³ Отаитянка – жительница острова Таити (Полинезия).

⁴ Моя дорогая (фр.)

⁵ Петергофский праздник. – В Петергофе ежегодно проводился традиционный праздник-маскарад (1 и 21 июля по ст. стилю).

⁶ Водомерт (поэт., устар.) – фонтан.

⁷ Сирены – в греческой мифологии девы, пением привлекавшие моряков в опасные места.

то одобрительный около меня ропот мужчин мог бы убедить самого Фому неверующего⁸, что твоя кузина очень недурна. Но ты ждешь, верно, описания петергофского маскарада, m'amie?⁹ Боже мой! да откуда я возьму памяти или порядка!.. В голове моей образы толкуются будто мошки... Генеральские звезды гонят с неба звезды неба, учтивые рыбы Марлийского пруда¹⁰ пародируют вместе с гвардейскими болтунами, которым не худо бы взять у первых несколько уроков скромности, и я не могу вспомнить камер-юнкера, чуть не плачущего над разбитым лорнетом, чтобы мне не представился Сампсон, раздирающий льва¹¹. Статуи Аполлона Бельведерского и Актеона танцуют передо мной польский с графиней Зизи или княжною Биби... и я, право, боюсь, что начну рассказывать тебе про комплименты князя Этьена, а заключу грибом, точащим воду.¹²

Впрочем, все говорят, что маскарад был из самых блистательных, то есть давно не было истрачено такого множества румян и блесков, свечей и любезности. Твой дядюшка, le cher homme¹³, навешал на себя столько украшений, что насмешники уверяли, будто он готовится к художественной выставке, а дородную москвитянку нашу, княгиню Z., за огромный шлейф ее, сравнивали с зловещею кометой, и совершенно даром: она так ловко носила хвост свой, как лисица. Ты помнишь, я думаю, высокого адъютанта, который смешил нас прошлую зиму своими наборными фразами, пахнувшими юфтью Буаста¹⁴?.. Eh bien, Sophie¹⁵, про него генеральша Т. сказала, будто он доказал ей, что и башмаки есть оружие наступательное!.. Да где мне пересказать тебе все остроты или все плоскости, которые сыпались в толпе, как мишура с платьев! где мне припомнить всех, с которыми прогуливалась я, рука с рукой, в этом маскараде! Около меня змеями вились золотые и серебряные аксельбанты, и не одна генеральская канитель, не один черный ус трепетали и крутились от удовольствия, когда я произносила: «avec plaisir, monsieur»¹⁶. Ах, как мне надоели эти попугаи с белыми и черными хохлами на шляпах, милочка!.. Они, кажется, покупают свои фразы вместе с перчатками. Как наши старинные московские обеды начинались холодным, так у них неизбежно отправляется вперед вопрос: «Vous aimez la danse, madame?»¹⁷ Нет, сударь! Я готова возненавидеть танцы из-за танцоров, которые, как деревянная кукушка в часах моей бабушки, вечно поют одно и то же и наводят тоску своим кукованьем. Беда с такими кавалерами, но с прославленными остроумцами – вдвое горе! Они жгутом крутят бедный мозг свой, чтобы выжзть из него каплю розовой воды или укуса.

– Вы привлекаете на себя все глаза и все лорнеты, – говорил мне один дипломат, покачиваясь так важно, как будто б от его равновесия зависело равновесие Европы. – И посмотрите, княгиня, как загораются, как блестят все взоры, встречаясь с вашими; c'est un veritable feu d'artifice.¹⁸

– Не совсем, – отвечала я ему, – je vois beaucoup d'artifice, mais ou est done le feu?¹⁹

⁸ Фома неверующий. – Имеется в виду один из евангельских апостолов, который долго не верил в воскресение Христа; здесь: человек, с трудом верящий во что-нибудь.

⁹ Мой друг (фр.)

¹⁰ ...учтивые рыбы Марлийского пруда... – Марли – дворец в Петергофе (Петродворце), построен в 1721—1723 гг.; в прудах около дворца разводили рыбу.

¹¹ ...Сампсон, раздирающий льва... – Имеется в виду один из петергофских фонтанов.

¹² В Петергофе есть беседка в виде гриба, которая неожиданно обливает водой. (Примеч. автора.)

¹³ Милый человек (фр.)

¹⁴ ..юфтью Буаста?.. – Юфть – особый сорт мягкой кожи производства заводчика Буаста.

¹⁵ Так вот, Софья (фр.)

¹⁶ С удовольствием, сударь (фр.)

¹⁷ Вы любите танцы? (фр.)

¹⁸ Это настоящий фейерверк (искусственный огонь) (фр.)

¹⁹ Я вижу много искусственности, но где же огонь? (фр.)

Поверишь ли, *ma chérie*, что в этом потоке голов, в этом млечном пути глаз голубых, серых, черных ни одно лицо не улыбнулось мне, как бы я желала, ни один взор не горел ко мне участием, – я не нашла в них ничего оригинального, ничего стоящего смеха или мысли. «Как мало здесь кавалеров!» – говаривали мы в Москве белокаменной; «как мало людей!» – говорю я здесь. Бесхарактерность провела по всем свой ледяной уровень. Напрасно будешь вглядываться в черты – не узнаешь век, какому народу, какому мнению принадлежат эти люди. Под улыбкой нет выражения, под словом не дороешься мысли, под орденами – сердца. Это какая-то картина, покрытая ослепительным лаком... ее дорого ценят по преданию, хотя никто не понял, что она изображает. Во весь сегодняшний вечер, в целый вечер, не удалось мне ни услышать, ни подслушать ни одной речи, которая бы врезалась в память. Говорили, говорили они, – да чего они не говорили, а что сказали? Только один, разговаривая со мной, сделал довольно удачное сравнение.

– Посмотрите вдаль и вокруг, – сказал он, – не правда ли, что этот бал похож на английский сад? Перья и цветы на дамах качаются, как прелестный цветник от поцелуя зефира. Там тянется польский, будто живая дорожка; там купы офицеров с зыбкими султанами стоят, как пальмы. Вот Уральский хребет в шитом златоносными песками мундире! Вот пещера с отголоском, повторяющим сто раз слово я. Далее: в этом горбуне вы видите мост, который никуда ие ведет; везде золотые ключи, которые ничего не отпирают; тут погребальную урну, хранящую французский табак, и девушек, бродящих окрест с невинными мечтами овечек. Даже, – продолжал мой насмешник, лукаво взглядывая на ряды пожилых дам, – если позволено вздуть сравнение до гиперболы, мы можем найти здесь не одну живописную развалину, не один обломок

Китайской стены, не одну готическую башню, из которой предрассудки выглядывают, как совы.

– *Bon Dieu*²⁰, как вы злы! – возразила ему я. – Разве нельзя для сравнения найти предметов более игривых? Вы бы могли, например, поместить какой-нибудь победный памятник, какой-нибудь храм в этом саду, так же как в Царском Селе.

– В таком случае, – сказал мой партнер, раскланиваясь, – я беру на себя роль роstralь-ной колонны²¹; но храмом, и притом храмом любви, будете вы!

Я с улыбкой взглянула на приветника... Как жаль, что он немолод и некрасив; и потом этот долгий, тонкий нос – самая неудачная его острота...

Мы уж дома.

Любви? любви? – зачем эта мысль вплелась в мое сердце, закабаленное свету, как эта живая роза в хитросплетенные косы мои? Почему не могу выбросить ее за окно, как я бросаю эту розу? Отчего я вздыхаю каждый раз, когда о ней услышу, и чуть не плачу, когда о ней вздумаю! О, добрая моя Софья! резвая, беззаботная подруга моего девичества! Если б ты знала, из какого тяжелого металла льются брачные венцы, если б ты поверила, что коробочка Пандоры²² есть необходимый свадебный подарок, ты бы пожалела меня. Столько блеску, и так мало теплоты! Бегу навстречу к мужу моему, с горячностью ласкаюсь к нему... но он принимает меня, как учитель дитя он только терпит мои ласки, но не ищет их, не отвечает на них. Я почти только и вижу его за столом... и тогда трюфели заманчивее для него всех очей в мире. Домой привозит он только усталость от службы и скуку от искательства, и когда любовь моя просит взаимности, он, зевая, говорит приветствия!.. Нужны ли мне уборы, экипажи – он сыплет деньгами. Вздумается ли мне быть там и там – он не скажет нет, лишь бы я его не звала с собою; а его улыбка, его радушное слово дороже мне гостинца, и за один

²⁰ Боже милостивый (фр.)

²¹ ..роль роstralьной колонны... – Ростра – украшение колонн в виде носовой части древнего военного судна.

²² ...коробочка Пандоры... – то же, что «ящик Пандоры». См. коммент, к с. 82 тома I.

поцелуй я бы готова неделю просидеть дома. «Это почти жалоба», – скажешь ты, моя милая. Нет, душечка! это миг нетерпения, это пройдет; я только мимоходом хотела заметить, что грустно, очень грустно не иметь прихотей, которые бы не исполнялись, между тем как единственное справедливое желание безответно и безнадежно!.. Сердце мое вянет на холодной золотой звезде... вянет... и где любовь, где самая дружба, чтоб оживить его слезою участия?!

Полночь. Темно и тихо кругом... только море, как любовник, грозит и ластится к камням Монплезира²³, в котором живем мы; только вдали повременно мелькают на яхтах огоньки, как неясные мысли. Грусть клонит меня ко сну... До завтра, моя милая Софья.

Петергоф, 1 июля 1829 года.

²³ ..к камням Монплезира... – Монплезир (ф.р.) – дворец Петра I, сооруженный в Петергофе в 1714—1725 гг.

Письмо второе от той же к той же

Закладую свою слезу против блески, да, слезу, десять, двадцать слез даже (а это для меня не безделица, как ты знаешь, милая кузина), – ты никак не угадаешь, где я была сегодня. На гулянье верхом, на танцевальном завтраке? – скажешь ты. О, нет, это слишком обыкновенно. На смотре войск? Мимо. На фейерверке? Еще того менее. Я каталась, и знаешь ли где, и поверишь ли на чем?.. Не в пруде на пароме, не в реке на ялике, – вообрази себе... я каталась в открытом море, на сорокашестипушечном фрегате! О, я – уверена, что твое московское воображение, не выдавшее нигде бури, кроме Чистых прудов, бледнеет перед мятслию о неизмеримости, об ужасах моря. Сущие пустяки, моя милочка! Мода и нас, робких женщин, может производить в героини, а раз ступивши на палубу, скоро ты приглядишься к страху, что в океане будешь как в гостинной. Ну, право, море – премилое создание, и мне так полюбилось оно с первого визита нашего знакомства, что я готова бы совершить путешествие кругом света. Вообрази себе... но нет... лучше себе припомнить, что надо начать сначала... m'y voila.²⁴

Я надеюсь, ты слышала, как нынешний государь любит флот?.. Он воскресил его, он вдохнул в него русскую силу и дал ему чистые лавры под Наварином²⁵. Государю угодно было угостить двор и посланников прогулкою по морю; и в самом деле, какое угощение от достойного внука Великого Петра могло быть царственнее, величественнее отого! Катера были готовы, утро – прелесть... Двор начал размещаться... Признаюсь, неохотно рассталась я с берегом; казалось, мне больно оторвать стопу от земли, и я с трепетанием сердца спрыгнула в катер. Но когда весла грянули, когда длинная вереница шлюпок, из которых каждая подобила плавучей корзине с цветами, ринулась в море, и впереди всех орлом полетел двадцативесельный катер, несущий в себе славу и надежду России; когда берега стали бегом уходить от нас, а далекий Кронштадт с дремучим лесом мачт поплыл к нам навстречу, – тогда безграничное море развилось за ним, синее и сверкая... страх мой перелился в тихое, новое для меня наслаждение, и мне стало так хорошо в ладье, будто в колыбели когда-то.

И вот миновали мы Кронштадт и приблизились к эскадре, готовой вступить под паруса. Матросы унизывали все снасти, все реи в узор и кричали ура! Едва государь с высочайшим семейством взошел на адмиральский корабль, весь флот поднял якоря, и катера наши приставали к ближним кораблям наудачу... Вид был восхитительный! Упавшие паруса образовали словно плавучую стену с огромными башнями. Мы долго спорили со своими подругами о выборе: одна хотела стонущего корабля, толстого, как наш председатель палаты; другая, более умеренная, довольствовалась семидесятным, лишь бы на нем веял флаг контр-адмирала²⁶; третья желала сесть на раззолоченную, разряженную, будто на бал, яхточку. Не знаю почему, только мне всех более понравился стройный фрегат, идеал легкости, красоты и силы. Он так гордо бросал в облака свои стрелы; долгие флюгера его так остроумно и прихотливо сверкали в воздухе, он сам так важно колебался на волнении... пушки его с таким любопытством выглядывали на нас из окон, что во мне родилось непреодолимое желание видеть это милое чудовище у себя под ногою. Не знаю, красивее ли всех или настойчивее всех подруг

²⁴ Итак, начинаю (фр)

²⁵ ...лавры под Наварином. – В Наваринской бухте 8 (20) октября 1827 г. произошло морское сражение между флотом Турции и Египта, с одной стороны, и флотом России, Англии и Франции, – с другой. Сражение закончилось победой последних, в нем отличились будущие герои обороны Севастополя: П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин.

²⁶ Флаг контр-адмирала – белый флаг с синим Андреевским крестом. Его поднимали всегда, когда на корабле присутствовал контр-адмирал.

моих на катере была я, только победа осталась за мною. Офицер гвардейского экипажа, который левою ногою управлял кормилом нашей двенадцативесельной республики, отдал честь моему вкусу и поворотил под корму моего любимца. На поясе резвой его галереи золотыми буквами написано было: «Надежда». Это одно слово стоило предпочтения.

Висячая лестница устлана была флагами... Выходим... Вообрази себе! Нет, ты не можешь себе вообразить, что я там увидела! Не знаю, с чего начать, не знаю, можно ли кончить!.. То был новый мир, то была чудная поэма. Помост чистый, выложенный, как стол; снасти, закрученные завитками, блоки, сверкающие как серьги, сетки, сплетенные фантастическими кружевами, медь горит как золото; чугун орудий как сизое вороново крыло! И потом – эта стройная суeta кругом... это необозримое раздолье перед очами!.. По звуку серебряных свистков, казалось, великан наш размахнул широко руками, чтобы поймать ветер; грудь его надулась, и он, с каждым мигom ускоряя бег, ринулся, наконец, прямо, пожирая пространство. Голова моя закружилась каким-то обаятельным вихрем, и когда глаза мои прояснились опять, они встретились с очами капитана корабля, которого не разглядела я сначала, хотя он и приветствовал нас при встрече. Природа, как говорит Шекспир, могла бы указать на него пальцем и сказать: вот человек²⁷! Высокий, стройный стан, благородная осанка и это не знаю что-то привлекательное в лице, несколько не правильном и столько выразительном, отличали его от прочих. Но глаза его – что это были за глаза, моя Софья! – влажные, голубые как волна моря, они сверкали и хмурились подобно волне, готовой и лелеять и поглотить того, кто ей вверится. В приемах его не было модной вертлявости; в нем заметна была даже какая-то крутость, какая-то дикость, происходящая, быть может, не от замешательства; со всем тем это очень шло к нему. Он, краснея, говорил с нами; он опускал очи перед взорами дам, и сначала голос его дрожал как металлическая струна цитры. И вот наш дикарь оправился, поднял свои огнистые очи, стал рассказывать нам о всех эволюциях²⁸, о назначении каждой вещи так мило, так занимательно, так шутливо, что мы, женщины, забыли свою обычную болтовню и разве-разве вплетали в гирлянду рассказа кой-какие вопросы. Я упала с облаков, *ma chérie*. Судя по слухам, я самого любезного из моряков считала немного половчее моржа, играющего на гитаре, которого показывали в кадке под качелями, а тут нечаянно встретила на досках палубы человека образованного, хотя и в шляпе без султана, даже без плюмажа, – человека, который бы украсил любой паркет столичных гостиных. Занимаясь нами, он не забывал, однако, своей обязанности, и одно слово, один взгляд его двигали громаду корабля – эту гениальную мысль, одетую в дуб и железо, окрыленную полотном.

Мы сошли вниз; какая изысканность в роскоши кают! какой тонкий вкус в украшениях! Строй орудий вооружал оба борта. Ядра низались кругом красивыми бусами. Копья, топоры и все абордажные оружия развешаны были, как галантерейные вещи. Посредине просторного дека²⁹ (я вамучу тебя морскими шарадами) разевал свою пасть огромный люк, то есть отверстие, сквозь которое далеко, глубоко внизу, во мраке, глаз с ужасом распознавал ряды бочек и лапу огромного запасного якоря – надежда всегда остается на дне. Мужу моему всего более понравилась чугунная кухня со всеми затеями гастрономии. Когда ему поднесли на пробу кусок говядины, назначенный для команды, он повторил фразу Лареньера: «*Ainsi cuit on aurait mangé son père*».³⁰

²⁷ Природа, как говорит Шекспир, могла бы указать на него пальцем и сказать: вот человек! – слова Аптонио о Бруте из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1599).

²⁸ Эволюция – здесь: маневрирование находящихся в строю кораблей.

²⁹ Дек – закрытая палуба судна.

³⁰ С такою приправою можно съесть родного отца. (Примеч. автора.)

Наконец капитан незаметно свел нас *au fin fond de Fenfer*³¹, и сердце у нас сжалось; мы все ахнули от страха, когда он сказал нам, помахивая свечкою, что мы находимся теперь в пороховой камере, в сердце корабля. Мне уже показалось, что заряды, несмотря на уверение, что они заключены в ящиках, прыгают около меня, как шутихи³², что все горит около, что я дышу, что я задыхаюсь пламенем, — я быстро выпрыгнула на свежий воздух.

— И точно, вам всех более должно было опасаться взрыва, — шутя молвил капитан, — один взор таких глаз — и какое сердце не взлетит на воздух!

Я на него взглянула.

Между тем эволюции шли своей чередой. Флот катился в открытое море; берега тонули. По приказу адмирала, высказанному флагами, корабли то строились в две линии, то обращались в другую сторону, то прорезывали одну линию другою... точно шахматы титанов; и мы так близко миновали другие корабли, что могли меняться приветами со своими знакомыми. Наконец император поднял свой штандарт³³, и едва победоносный орел взмахнул крылами в золотом поле — вмиг салютные выстрелы загревели, со всех судов. Ах! какой это был прелестный ад! Сначала клубы дыма отдельно катились по волнам, но скоро все море превратилось в жерло вулкана. Ветер не успевал разнести одну тучу, а уж другие напирали все выше и выше, все чернее и чернее. Не говорю о громе; я думала, что я на вечность оглохну, так что и страшной трубы не услышу. С кормы любовалась я на валы дыма и моря... Капитан фрегата стоял подле, задумчиво устремля на меня очи; мы молчали, да и можно ли было говорить под говором тысячи чугунных кумушек; но мне было так весело, будто игровой сон носил меня на крылах в пространстве. Вдруг, в трех шагах от меня, раздался еще выстрел и вслед за ним крик: «Упал, упал человек, тонет!» Я обмерла. Один кононер, прибывая заряд, был оглушен нечаянным его взрывом и с подмостков³⁴, на которых стоял он, сброшен за борт... В один миг несчастный очутился за кормою... потеряв память, он только крутился в пенной борозде, вьющейся вслед руля. Ни одной шлюпки не было спущено, а сброшенный ему поплавок плыл в другую сторону... Он уже погружался, еще миг — и он бы исчез; но в этот миг капитан бросился с борта в море, — все ахнули, все прильнули к поручням; верхние пушки умолкли; и вот он вынырнул, схватил утопающего, плывет к кораблю, но корабль уходит... человеческая воля не может вдруг сдержать разбежавшуюся громаду. Ужас оледенил нас, когда увидели, что спаситель изнемогает под тяжестью: он стал кружиться на месте, окунулся, опять всплыл, опять ушел, и долго-долго не было видно его!.. Вот золотой эполет блеснул из седой пены, но это было на два мгновения... Я уж не могла ничего видеть, и когда раздирающий душу крик: «утонул!» раздался кругом меня, я потеряла чувства...

Как сладостно возвращаться к жизни, покуда одно телесное чувствует этот возврат, покуда какая-нибудь горестная мысль не пронзит ума... Так было и со мною. Вдруг воспоминание о гибели великодушного капитана сжало мне сердце будто стальною перчаткою, едва-едва я стала приходить в себя. Я с криком открыла глаза — и кто бы, думаешь ты, стоял за мною, орошая меня струями воды, текущей с утопленника как с зонтика. Ты угадала — это был он!..

Закрываю письмо, как я закрыла тогда глаза, чтобы хоть минутою долее насладиться таким сновидением... я была им так счастлива!.. О, дай мне еще раз улететь из светской

³¹ В самую глубь преисподней. (Примеч. автора.)

³² Шутиха — род фейерверка.

³³ ...император поднял свой штандарт. — Императорский штандарт — особый флаг с изображением Балтийского, Белого, Каспийского и Черного морей. Его подъем означал пребывание императора на корабле.

³⁴ Вероятно, с бизан-русленей. Между вантпоутингсов нередко прорезываются порты. (Примеч. автора.)

жизни; дай мне, как пчеле, упиться росой этого цветущего воспоминания, я хочу забыться, хочу забыть, я забываю все остальное...

Петергоф, 2 июля 1829 года.

I

...E per questo, quand'io veggo clie g-li uomini cercano per una certa fa-talita le sciagure COQ la l'anterna, e clie vegliano, sudano, piangono per fabbricarsele doloresissime, eterne – io mi sparpaglierei le cervella temendo clie non mi cacciasse per capo una simile tentazione.³⁵³⁶
Ugo Foscolo

Две недели спустя после императорского смотра флоту в кают-компании фрегата «Надежды», часу в одиннадцатом ночи, за ужиным столом сидел один уже лекарь Стеллинский. Все прочие офицеры разошлись по своим каютам, но сын Эскулапа, по достохвальной привычке, остался для химического разложения вновь привезенного портвейна. Рассуждая и прихлебывая, потом прихлебывая и рассуждая, он дофилософствовался до премудрого сомнения: голова ли вертится на плечах, или предметы около головы? Склоняясь более к последнему мнению, лекарь, казалось, поджидал, когда подойдет к нему одна из недопитых бутылок, танцующих перед ним оптический польский. Он, правда, порывался раза два отхлопнуть эту красавицу у свечи, тускло сиявшей между бутылками как разум между страстями, но глазомер изменял желанию, и длань героя блуждала в пространстве: окаянная шейка увертывалась из-под его пальцев не хуже школьника, играющего в жмурки. На беду, качка усиливалась с каждой минутой, и борьба силы самохранения с силой, влекущею лекаря к бутылке, по закону механики, вероятно кончилась бы тем, что его туловище отправилось бы по диагонали, проведенной от его носа под стол, но, к счастью, стол был привинчен к полу, и Стеллинский так вцепился в него руками, как будто хотел спастись на нем от потопления. В это время в кают-компанию вошел вахтенный лейтенант... его только что спустил товарищ поужинать. Скидывая измоченную дождем шинель, он уже смеялся на проделки Стеллинского.

– Эге, Флогистон ХИНИНОВИЧ³⁷, – молвил он, – ты, кажется, бедствуешь!.. Смотри, брат, не подмочи своих анатомических препаратов.

– Не бойтесь, не испортятся, – отвечал лекарь, размахнув руками как балансер на веревке шестом, отыскивая центр своей тяжести, – я их сохраняю в спирте!

– Прекрасное средство, – сказал лейтенант, глотая рюмку водки, – отличное средство, и я прошу извинить меня, господин доктор, что употреблю его теперь без вашего рецепта.

– Стократ блаженны те, которые лечатся и умирают по рецептам... Неужели вы, Нил Павлович, считаете рецепты бесполезными?

– Напротив, я считаю их преполезными – для закуривания трубок, – отвечал лейтенант, буквально врезавшись в кусок ростбифа и столь же проворно выпуская речи, как глотая говядину.

К счастью, что портвейн служил тому и другому путем сообщения, так что слова и ростбиф расплывались, не зацепляя друг друга.

³⁵ Эпиграф взят из романа «Последние письма Якопо Ортиса» (1798, письмо от 20 ноября) итальянского писателя Никколо Уго Фосколо (1778—1827).

³⁶ И потому, когда я вижу, как люди, в силу какого-то зова, ищут несчастий с фонарем в руках и как они стремятся в поте лица своего и в горести уготовить себе самые мучительные и вечные из них, – я готов пустить по ветру мои мозги, из боязни, как бы и в меня не перешло в конце концов подобное искушение. Уго Фосколо (ит.)

³⁷ Флогистон Хининович – шутовское прозвище: флогистон – название летучего вещества, по мнению химиков XVIII века, выделяющегося при горении.

– Как, сударь, рецепты?.., ре-ре-цепты? О, sana insania!³⁸ Жечь векселя на получение здоровья!

– Скажите лучше, контрамарки на вход в кладбище. Впрочем, мне случалось не раз быть больным; не раз писал мне мой доктор и рецепты вдвое длиннее своего носа, хоть нос у него являлся накануне, а сам завтра. Я очень набожно брал их между большим и указательным перстами, держал на чистом воздухе в горизонтальном положении минут по пяти...

– И потом?.. – спросил лекарь, изумленный этим средством симпатической фармакопеи.

– И потом – пускал на ветер. Желудку моему от того было не хуже, а кошельку вдвое лучше.

– Вы, конечно, любите Ганеманновы выжидающие средства³⁹, Нил Павлович... и, надеясь на природу, подвиньте, пожалуйста, бутылку.

– Но ты, кажется, не гомеопат, Стеллинский, не хочешь ждать, чтоб природа подала тебе бутылку, и вместо капельных приемов тратишь столько вина зараз, что им бы, по методе Ганеманна, можно было напоить допьяна всех рыб Финского залива на пятьдесят лет, не считая этого. Однако, чем черт не шутит, разве не попадают порою в цель с завязанными глазами! Итак, вам же поклон, любезный внук Эскулапа. Вместо того чтоб ловить ночью мух, пошарьте-ка в кивоте своего гения – не отыщете ль в нем какого-нибудь действительного средства против сумасшествия?

– Разве вы хотите лечиться? – лукаво спросил лекарь, между тем как лицо его сморщилось в гримасу, которую в великий пост можно было бы счесть за усмешку.

– Ай да Флогистон Кислотворович! Славно, брат; право, хоть куда. Иной подумает, что ты изобрел этот ответ натошак. Но я все-таки ложусь на прежний румб и повторяю вопрос мой. Ты теперь в восторженном состоянии, в возвышенной температуре, так что зерном пороху, которое, сгорая, расширяется в тысячу раз против прежнего объема...

–..Sic est...⁴⁰ притом же масоны красное вино называют красным порохом... картуз в дуло!.. Ну, теперь я заряжен. Итак, – продолжал, крикая и охорашиваясь, лекарь, – итак, вам угодно знать лекарство против сумасшествия?.. Гм! ге! Древние, между прочим и отец медицины...

– То есть мачеха человечества... – ввернул словцо лейтенант.

– Гиппопократ, думали, что частое употребление галлебора, то есть чемерицы, или в просторечии чихотки, может помочь, то есть облегчить, или, лучше сказать, исцелить, повреждение церебральной системы... Да и почему же не так? Разве не знаем, или не видали, или не испытывали вы сами, что щепотки три гренадерского зеленчака⁴¹ могут протрезвить человека, ибо нос в этом случае служит вместо охранного клапана в паровых котлах, чрез который лишние пары улетают вон. А поелику и самое безумие есть не что иное, как сгущенная лимфа, или пары, или мокроты, именуемые вообще *serum*, которые, отделяясь от испорченной крови, наполняют клетчатую мозговую плеву (в это время лекарь любовался гранеными изображениями стакана, из которого он орошал цветы своего красноречия)... гм, ге!.. плеву и, постепенно действуя и противодействуя сперва на тунику⁴², потом на перикраниум, а наконец и на белое существо мозга... А, это, верно, птица, или пава?.., почему Авиценна⁴³ и Аверроэс⁴⁴, даже сам Парацельс⁴⁵... Пава, точно пава!.., советуют диету и кро-

³⁸ О, здравое безумие! (лат.)

³⁹ ..Ганеманновы выжидающие средства... – гомеопатические лекарства, названные по имени основателя гомеопатии немецкого врача Самуэля Ганемана (Ханемана; 1755–1843).

⁴⁰ Так и есть (лат.)

⁴¹ Зеленчак – крепкий нюхательный табак, приготовляемый из зеленых листьев.

⁴² Туника – у древних римлян – белая нижняя одежда; здесь: кожный покров.

⁴³ Авиценна – Ибн-Сина Абу-Али (ок. 980 – 1037 гг.) – выдающийся ученый-энциклопедист восточного средневековья,

вопускание! Другие же, как, например, Бургав⁴⁶, действуют шпанскими мухами⁴⁷, vessicatorиями⁴⁸ и синапизмами⁴⁹; третьи, чтоб сосредоточить ум, вероятно разбежавшийся по всему телу, бреют голову, льют холодную воду на темя и охлаждают его ледяным колпаком...

– Чтoб черт изломал грота-рей на голове проклятого выдумщика такой пытки! Мало содрать с живого кожу – так давай закапывать в лед, как бутылку вина на выморозки! Вся ваша медицина – умение променивать кухонную латынь на чистое серебро, покуда матушка-природа не унесет болезни или ваши лекарства – больного!

– Прошу извинить, Нил Павлович... медицина... за ваше здоровье... происходит от латинского слова... как бишь его... ну да к черту медицину!.. А безумие, как имел я честь доложить, делится на многие разряды. Во-первых, иа головокружение, во-вторых, на ипохондрию, потом на манию, на френезию⁵⁰...

– И на магнезию...

– Как на магнезию? Это что за известие? Магнезия не болезнь, а углекислая известь, а френезия, напротив...

– Есть вещь, о которой вы часто говорите, которую вы редко вылечиваете и которой никогда не понимаете... Не правда ли, наш возлюбленный доктор?

– Правда на дне стакана, Нил Павлович...

– То-то ей, бедняге, и достаются одни дрожжи.

– Пускай же она и вьется в них, как пескарь, – мы обратимся к нашему предмету.

– То есть к вашему предмету, доктор.

– Гм! ге! Вы верно не знаете, что многие врачи причисляют к безумию головную боль, цефальгию⁵¹ и даже сплип!

– Не знаю, да и знать не хочу.

– Вещь прелюбопытная-с... Вообразите себе, что однажды (это было очень недавно) некто знаменитый русский медик, анатомируя тело одного матроса, нашел... то есть не пашел у него селезенки, сиречь spleen⁵², которая и дала свое название болезни. Из этого заключили, что человек одарен в ней лишнею частию, без которой он легко бы мог жить. Правда, иные утверждают, будто в животной экономии селезенка необходима для отделения, желчи, но лучшие анатомисты до сих пор находят ее пригодною; только для гнезда сплина, считают украшением, помещенным для симметрии...

Медицинские лекции так еще свежо врезаны были в. памяти лекаря, что он и пьяный мог говорить чепуху с равным успехом, как и натрезве; но лейтенант, который кончил уже свой ужин, остановил оратора, так сказать, иа самом разлете.

– Устал я слушать твою микстуру, любезный доктор.. Вам, ученым людям, все то кажется лишним, чему вы не отыщете назначения, и если б вы не носили очков и тавлинок⁵³, то, чай, и нос осудили бы в отставку без мундира. Не о том дело, можно ли жить без

автор известного труда по медицине «Канон врачебной науки» и по философии – «Книга исцеления».

⁴⁴ Аверроэс Ибн-Рошд (Рушд; 1126—1198) – арабский философ, естествоиспытатель, автор многих работ по философии и медицине.

⁴⁵ Парацельс Филипп (1493—1541) – немецкий врач и естествоиспытатель, введший в практику новые химические препараты.

⁴⁶ Бургав Герман (1668—1738) – голландский химик, ботаник и врач, введший в практику новые лекарства.

⁴⁷ Шпанские мухи (мушки) – пластырь из порошка, приготовленного из высушенного жучка.

⁴⁸ Вессикаторий (фр.) – вытяжной пластырь.

⁴⁹ Синапизм (фр.) – горчичник.

⁵⁰ Френезия (фр.) – воспаление мозга, помешательство.

⁵¹ Цефальгия (фр.) – головная боль.

⁵² Spleen, сплин (англ.) – тоска, уныние, хандра.

⁵³ Тавлинка – плоская табакерка из бересты.

селезенки, а о том, что худо служить без ума. Мне кажется, исчисляя: виды сумасшествия, ты пропустил самый важный, и этот вид называется любовь, и больной, зараженный ею, – капитан наш.

– Капитан?.. Вы шутите, Нил Павлович... – произнес лекарь, протирая туманные глаза и опять хватаясь за стул, как будто чувствуя, что, полный винными парами, он может улететь вверх, будто аэростат.

– Нисколько не шучу, – отвечал лейтенант. – Я повторяю тебе, что это Илья Петрович Правин, достойный, командир нашего фрегата, – Правин, со всеми буквами...

– Гм! ге! Вот что... так ой-то болен любовью?.. С вашего позволения...

– Нет, вовсе без моего позволения. Уж эта мне черноглазая княгиня! Она словно околдовала Илью Петровича. И то сказать, хороша собой как царская яхта, вертлява как люггер⁵⁴ и, говорят, умна как бес... Ты, я думаю, помнишь ее, – ну, ту высокую даму в черном платье, с которою в красоте изо всех наших гостей могла поспорить только фрейлина Левич... Как находишь ты, доктор, которая лучше?

– Мадера лучше, – возразил доктор.

Погруженный в созерцание бутылок, он только и слышал два последние слова.

– Мадера гораздо лучше; ближе к цели.

– То есть ближе к постели. И дельно, брат; пора твоей посудине в док на зимовку. Однако я говорю не о винах, доктор, но о дамах!

– О дамах, или, попросту, о женщинах? Гм! Да разве это не все равно? Молодая женщина и молодца как раз состарит... а старое вино помолодит и старика, – где яд, там и противоядие; где боль, там и лекарство.

– Грот-марса-фалом⁵⁵ клянусь! оба эти зла или оба эти блага вместе приведут хоть какой ум к одному знаменателю. Уж если б выбрать меньшее зло, я бы скорее посоветовал капитану трепать почаще бутылочную, чем женскую шейку; и, по мне, пусть лучше зарится он на карточные очки, чем на очи красавицы. От вина поболит голова, от проигрыша заведется в кармане сквозной ветер, но от дам, кроме головы и кармана, зачихнет и сердце.

– Сердце! Сердце? А что оно такое, как не химическая горлянка⁵⁶, в которой совершается процесс кровообращения и окрашивания крови посредством вдыхаемого кислорода!.. Читали ли вы Гарвея⁵⁷?.. знаете ли вы трактат доктора Крейсига⁵⁸ о болезнях сердца?

– И все-таки, я думаю, в книге этого доброго немца так же трудно найти лекарство против болезни пашего капитана, как шутку в Часослове⁵⁹. Право, я бы очень желал, чтобы ты, наш любезный доктор, хоть крашеной водою и пластырями, магнетизированием и шарлатанством продержал его месяца два на фрегате... Разлука и диета – два смертельных врага любви. Авось бы он развлекся службою; авось бы наши споры возвратили ему прежнюю веселость; а то он сам не свой теперь. Бывало, его калачом не сманишь с фрегата; ему не спалось на земле, ему душно казалось в городе, – а теперь все бы ему жить на берегу, да кататься на колесах, да лощить бульвары. Подумаешь, право, что он поймал эту глупую страстишку, как жемчужину со дна моря, в день смотра, когда прыгнул в воду спасать утопаю-

⁵⁴ Люгер (логгер; нем.) – небольшое двух – или трехпарусное судно.

⁵⁵ Грот-марс-фал. – Грот-марс – полукруглая площадка на палубе корабля в месте соединения мачты со стеньгою; фал – снасти для подъема рей, парусов, флагов.

⁵⁶ Химическая горлянка. – Горлянка – тыква, по форме сходная с бутылкой; здесь: бутылка с химическим веществом.

⁵⁷ Гарвей (Харви) Уильям (1578—1657) – английский врач, физиолог и эмбриолог, автор «Анатомического исследования о движении сердца и крови у животных» (1628).

⁵⁸ Крейсиг Фридрих (1770—1839) – немецкий врач, автор книги «Болезни сердца» (3 ч., 1814—1817).

⁵⁹ Часослов – книга, содержащая тексты некоторых церковных служб.

щего канонера. За него нечего было ахать: он плавает, как ньюфаундлендская собака⁶⁰, – зато сам он растаял, когда увидел, что черноглазая княгиня, от участия к нему, в обмороке...

– Да, да, да, да!.. Теперь-то я припоминаю все дело. Я застал тогда капитана на коленях перед нею; он был мокр, как тюлень, а суетился, будто муха над дорожными. Подруга ее сама обеспамятела и, вместо того чтоб помогать, кричала только: «Воды, воды, кликните соль, принесите лекаря!..»

– Скажите пожалуйста, какая напраслина!.. Ты, кажется, тогда мог сам ходить!..

– У вас все шутки, Нил Павлович! Ну, вот как я вошел, подруга ее приказывала капитану распустить ее шнуровку!..

– Вот тебе и раз! – с ужасом вскричал лейтенант. – Распустить шнуровку! Пускай бы спросили у Ильи Петровича, куда проходит и где крепится последний гитов⁶¹ на каждом судне христианского и варварийского флота – он рассказал бы это, как «Отче наш», от коуша⁶² до бензеля⁶³, а скоро ль было ему доискаться, где крепится дамский булень!..⁶⁴ Зато уж и попалась в силоч морская птичка!.. Видно, черт возьми, не всякое полушарив обойти безопасно, и хорошенькая дамочка бурливее мыса Горна⁶⁵. С тех пор наш капитан рыскает, будто сам лукавый стоит у него на руле. Говоришь ему об укладке трюма, а он толкует о гирляндах. Просишь переменить якорь, а он переменяет жилет. Глядит в зрительную трубку, и ему кажется, что голландский гальот прогуливается по берегу в желтом платье. Налетит шквал, трещат стены, а он хохочет. Товарищи смеются, а он вздыхает. Мы пьем, а он смотрит в стакан, словно гадает на кофейной гуще, как тыушка Пелагея Фарафонтьевна.⁶⁶

– Это мания, чистая мания!.. Это столь же верно, как и то, что гиппопотам пускает себе кровь тростником, боясь апоплексии, а собаки лечат себя от бешенства водяным шильником⁶⁷... Это мания... ма-мания, говорю я вам...

– Зови как хочешь: от этого капитану не легче, нам не лучше. Да и, между нами будь сказано, к чему поведет такая глупая страсть? Она его не может любить: она замужем; а если и полюбит, тем хуже, – не должна. Если дело остановится на первом, – он исчахнет, но если, чего боже сохрани, дойдет до второго, – он совсем потеряет себя: он ничего не умеет делать и чувствовать вполонину... Я ведь знаю его с гардемаринского галуна до штабского эполета; от лапты на дворе Морского корпуса до картечи ваваринского дела. О, как бы дорого дал я! – вскричал от глубины сердца лейтенант, проглотив разом стакан вина, будто им хотел он залить свое горе, – я отдал бы все свои призовые деньги, лишь бы увидеть моего доброго друга, Илью, в прежнем духе... Это душа в обществе, это голова в деле: добр как ангел и смел как черт!.. Я предвижу, что он настроит кучу проказ; он вовсе забудет службу, совсем покинет море... и что тогда станет с нашим лихим фрегатом, со всеми офицерами, с командою, что его так любит? Пусть лучше молния разобьет грот-мачту, пусть лучше сорвется руль с петель, пусть лучше потеряем мы весь рангоут⁶⁸, нежели своего капитана! С ним все это трын-трава, а без него команда не вывернет бегом якоря, не то чтобы на славу убрать в шторм паруса и перещеголять чистотою и быстротою англичан, как мы дельвали в прошлом году

⁶⁰ Их называют иначе *sauvetage-dogs*... В Англии близ каждого опасного места лежит их множество; они, видя разбитое судно, кидаются в воду и вытаскивают утопающих; также пригоняют к берегу тюки и бочонки. (Примеч. автора.)

⁶¹ Снасть для сдержки паруса. (Примеч. автора.)

⁶² Кольцо желобком. (Примеч. автора.)

⁶³ Закрепка. (Примеч. автора.)

⁶⁴ Снасть сбоку паруса, удерживающая более в нем ветра. (Примеч. автора.)

⁶⁵ ..бурливее мыса Горна... – мыс на острове Горн (к югу от Огненной Земли), около которого сильные ветры задерживают движение кораблей из Атлантического океана в Тихий.

⁶⁶ Пелагея Фарафонтьевна – гадалка, известная в Петербурге в 20-х годах XIX века.

⁶⁷ Водяной шильник – болотное или растущее по берегам рек растение, используемое в народной медицине.

⁶⁸ Все мачты, все дерево выше палубы. (Примеч. автора.)

в Средиземном море. *Per basso e signor diavolo!*⁶⁹ Я бы готов на полгода отказаться от вина и ел, лишь бы вылечить Илью... хоть, признаться сказать, я считаю это так же трудным, как проглотить собаку-блок⁷⁰ после ужина!..

Стеллинский в свою очередь говорил, не слушая лейтенанта, о медицине. Вино выказало страсти обоих – как обозначает оно в хрустале незаметные дотолы украшения.

– Должно начать лечение прохлаждающими средствами, – говорил он, зевая, – кремор-тартар... маг-мадера... потом пиявки, потом можно последовать совету славного римского врача Анахорета, который резал руки и ноги, чтоб избавить от бородавок, и сделать ам-пу-та-цию да тереть против сердца чем-нибудь спирту-о-зным!..

Сын Эскулапа был поражен Морфеем в начале речи – участь, грозившая слушателям, если бы они были тут. Голова его упала на грудь, руки повисли, и он начал материально доказывать, что, согласно с мнением нашего знаменитого корнеискателя⁷¹, русский глагол спать происходит от слова сопеть.

Но прежде чем лейтенант кончил говорить, а лекарь начал храпеть, дверь каюты распахнулась с треском: в нее вбежал вахтенный мичман, бледен, испуган.

– Нил Павлыч, – сказал он, задыхаясь, – нас дрейфует.⁷²

– Людей наверх, пошел все наверх! – крикнул лейтенант таким голосом, что он мог бы разбудить мертвых.

С этим словом он кинулся на шканцы без шапки и без шинели, – там уже заменявший его лейтенант хлопотал, как помочь горю. Окинув опытным взором море и небо, Нил Павлович увидел, что с погодою шутить нечего. Крутые, частые валы с яростью катились друг за другом, напирая на грудь фрегата, и он бился под ними как в лихорадке. Сила ветра не позволяла валам подыматься высоко, – он гнал их, рыл их, рвал их и со всего раската бил ими как тараном. Черно было небо, но когда молнии бичевали мрак, видно было, как ниже, и ниже, и ниже катились тучи, будто готовясь задавить море. Каждый взрыв молнии разверзал на миг в небе и в хляби огненную пасть, и, казалось, пламенные змеи пробегали по пенистым гребням валов. Потом чернее прежнего зияла тьма, еще сильнее хлестал ураган в обнаженные мачты, крутя и вырывая верви, свистя между блоками.

– Пошел на брасы, на топенанты⁷³; ходом, бегом! Надо обрасопить⁷⁴ реи вдоль судна. Задержал ли якорь? Есть⁷⁵, Слава богу! Г. шкипер! разнесен ли канат плехта?⁷⁶ Может, надо лечь фертоинг⁷⁷. Сдвоить стопора на даглисте⁷⁸... очистить бухты!⁷⁹ Послать топор к правой кран-балке⁸⁰; если крикну: «Отдай!» – разом пертулин⁸¹ пополам. Г. мичман! вы эполетами отвечаете, если рустов⁸² отдадут рано... не забудьте участи «Фалька»⁸³. Драй, драй, бакш-

⁶⁹ Клянусь самим дьяволом! (ит.)

⁷⁰ Собака-блок – в морской терминологии один из блоков для поднятия парусов, около которого матросы часто получали увечья.

⁷¹ ...нашего знаменитого корнеискателя... – Речь идет об этимологических увлечениях А. С. Шишкова (1754–1841), автора «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка» (1803).

⁷² Тащит с якорем. (Примеч. автора.)

⁷³ Снасти, коими поддерживаются и обращаются реи. (Примеч. автора.)

⁷⁴ Поворот. (Примеч. автора.)

⁷⁵ На морском языке есть значит: да, исполнено. (Примеч. автора.)

⁷⁶ Плехт – один из больших якорей; *даглист* немного менее. (Примеч. автора.)

⁷⁷ На два якоря. (Примеч. автора.)

⁷⁸ Даглист (даглиск) – левый становой якорь.

⁷⁹ В кольца сложенные снасти. (Примеч. автора.)

⁸⁰ Кран-балка – механизм для подъема и передвижения тяжестей, брусков.

⁸¹ Вережка, на которой висит якорь. (Примеч. автора.)

⁸² Цепь, поддерживающая якорь в горизонтальном положении. (Примеч. автора.)

таги в струну вытягивай! Ну, молодцы, шевелись, поплясывай! Не то я вас завтра в ворсу истреплю! Гей вы, на марсах! все ли исправно у вас? Ага! стены хрустят? Эка невидаль! Треснут – так на зубочистки годятся! Боцмана! осмотреть кранцы.⁸⁴ чтоб ни одно ядро не тронулось, – теперь некогда играть в кегли. Крепко ли задраены порты?⁸⁵ Г. штурман, много ли фут по лоту? Сто двадцать... лихо!.. Гуляй, душа! Далеко еще килу до рачьей зимовки!

Так или почти так покрикивал Нил Павлович, прибавляя к этому, как водится, сотни побранок, которые Николай Иванович Греч⁸⁶ сравнил с пеною шампанского. Он, казалось, попал в родную стихию: осматривал все своим глазом, успевал сам везде, и матросы, ободренные его хладнокровием, работали смело, охотно, но безмолвно, при тусклом свете фонарей. Порой, когда над головами их разражался перуи, подвижные купы их озарялись ярко и живописно – будто сейчас из-под мрачной кисти Сальватора, и только мерный стук их бега, только пронзительный голос свистков мешался с завыванием бури и с тяжелым скрипом фрегата.

– Ай да ребята, спасибо! – сказал Нил Павлович, потирая от удовольствия руки. – За капитаном по чарке! Теперь дуй – не страшно, мы готовы встретить самый задорный шквал, откуда б он к нам ни пожаловал. Хорошо, что я не послушал вас, – продолжал он, обращаясь к подвахтенному лейтенанту, – и спустил заране брам-стенги:⁸⁷ их бы срезало, как спаржу. Я, правда, с вечера предвидел бурю: солнце на закате было красно, как лицо английского пивовара, и синие редкие тучки, будто шпионы, выглядывали из-за горизонта; признаюсь, однако, не ждал я никак такого шторма: все ветры и все черти спущены, кажется, теперь со своры... того и гляди, что сорвет с якоря и выкинет на финский берег по клюкву.

– Шлюпка идет! – раздалось с баку.

– Скажи лучше, тонет, – вскричал с беспокойством Нил Павлович. – Кому это вздумалось искать верной гибели? Опрашивай!

– Кто гребет?

– Матрос.

– С какого корабля?.. Есть ли офицер?

Шум бури и волнения мешал расслушать ответы...

– Кажется, отвечают: «Надежда», – закричали на баке.⁸⁸

– Ослы! – загремел Нил Павлович, который в эти время вскочил на фор-ванты⁸⁹, чтобы лучше рассмотреть шлюпку. – Разве не видите вы двух фонарей на водорезе?⁹⁰ Это наш капитан. Изготовить концы, послать фалрепных⁹¹ с фонарями к правой!

Долгая молния рассекла ночь и оказала гонимую бурей шлюпку, с изломанной мачтой, с изорванным парусом. Огромный вал нес ее на хребте прямо к борту, грозя разбить в щепы о пушки, – и вдруг он опал с ревом, и мрак поглотил все.

⁸³ Бриг «Фальк» погиб оттого, что якорь долго висел вертикально и, качаясь, прошиб лапою скулу судна. (Примеч. автора.)

⁸⁴ Места, где лежат ядра. (Примеч. автора.)

⁸⁵ Ставни амбразур. (Примеч. автора.)

⁸⁶ Греч Николай Иванович (1787—1867) – реакционный русский журналист и писатель, издатель журнала «Сын отечества» с 1812 по 1839 г. См. коммент. к статье «Взгляд на старую и новую словесность в России».

⁸⁷ Самые верхние части мачт. (Примеч. автора.)

⁸⁸ При опросе: есть ли офицер? – с шлюпки, когда в ней командир судна, отвечают именем судна. Бак – нос судна. (Примеч. автора.)

⁸⁹ Лестницы веревочные у передней мачты. (Примеч. автора.)

⁹⁰ Отправляя гребное судно на берег, условливаются взаимно о числе и месте фонарей, чтобы ночью можно было опознать и найти друг друга. (Примеч. автора.)

⁹¹ Веревки для всходящих на лестницу (трап) корабля. (Примеч. автора.)

– Кидай концы! – кричал Нил Павлович, висая над пучиною. – Прوماх! Другой! Сорвался... Еще, еще!

Новая молния растворила небо, и на миг видно стало, как отчаянные гребцы цеплялись крючьями и скользили вдоль по борту фрегата.

– Лови, лови! – раздавалось сверху, и многие верейки летели вдруг; но вихрь подхватывал их и они падали мимо.

– Боже мой! – вскричал Нил Павлович, сплеснув руками, – они погибли...

Но они не погибли; их не унесло в открытое море. Одни багор удачно вцепился в руль-тали⁹², и по штормтрапу с горем пополам взобрались наши пловцы, чуть не утопленники, на ют (корму). Пустую шлюпку мигом опрокинуло вверх дном, и через четверть часа на бакштов⁹³ остался лишь один обломок шлюпочного форштевня.⁹⁴

– Ты жив, ты спасен, друг мой, брат мой картечный! – говорил добрый Нил Павлович, задушая в объятиях капитана. – Как не грех тебе пускаться в такую бурю! Сорвись последний крюк – и ты бы отправился делать депутатский осмотр карасям.

Но вдруг он вспомнил долг подчиненности – отступил на два шага и преважно начал рапортовать о состоянии судна и команды. В этой сцене было много забавного и почтенного вместе. Глядя тогда на Нила Павловича, вы бы сказали: «Он прекрасный человек, он достойный солдат!» Вы бы поручились за него, что он не изменит ни одному благородному чувству, как не преступит ни одной причуды службы.

– Благодарю сердечно, благодарю всех господ за исправность, – говорил капитан окружившим его офицерам, – а вас, Нил Павлович, особенно. За вами я бы мог спать спокойно, если б вы могли повелевать так же удачно стихиями, как вахтой. Но я предвидел ужасную бурю и хотел разделить с вами опасность. Могу вам рассказать новости о погоде, потому что я был там, куда не достанут ночью ваши взоры. Шквал налетит сию минуту. Готов ли другой якорь?

– Готов.

– Тем лучше. На баке ало! – закричал капитан в рупор. – Из бухты вон⁹⁵! Отдай якорь!

Как ни силен был плеск волн и рев бури, но слышалось, когда бухнул в воду тяжкий якорь и с глухим громом покатился канат из клюза.

– Шквал с ветра, шквал идет! – раздалось на баке. Случалось ли вам испытывать сильный шквал, на море?

Перед ним на минуту воцаряется какая-то грозная тишь, море кипит, волны мечутся, жмутся, толкутся, будто со страху; водяная метель с визгом летит над водою, – это раздробленные верхушки валов; и вот вдали, под мутным мраком, изорванным молниями, белой стеною катится вал... ближе, близко – ударил! Нет слов, нет звуков, чтоб выразить гуденье, и вой, и шорох, и свист урагана, встретившего препону; кажется, весь ад пирует и хохочет с какою-то сатанинскою злобою!.. Такой-то шквал налетел на фрегат «Надежду» и зарыл нос его в бурун, так что волна перекатилась по палубе до самой кормы.

Удар водяной массы и порыв ветра были так жестоки, что стопора⁹⁶ первого якоря лопнули, прежде чем канат второго вытянулся. Фрегат задрожал, как лист, и вдруг с невероятною быстротою кинулся по ветру. Второй канат, едва полустопоренный, не мог сдержать корабля с разбегу, и оба вдруг пошли сучить в оба клюза.

⁹² Снасти у руля, снаружи висающие. (Примеч. автора.)

⁹³ Вервь, на которую вяжут шлюпки за кормою. (Примеч. автора.)

⁹⁴ Носовая основа. (Примеч. автора.)

⁹⁵ Из бухты вон! – Бухта – снасти, сложенные в кольца; здесь: команда, подаваемая перед отдачей якоря.

⁹⁶ Снасти, коими канат прикрепляется к кольцам (рымам), вбитым в палубу. Стопор происходит от англ. глагола to stop – останавливать. (Примеч. автора.)

Не каждому моряку во всю свою службу случалось видеть суматоху от высучки канатов. Это страшно и смешно вместе! Вообразите себе два каната чуть не в охват толщиною, которые с ревом и громом бегут с кубрика или из дека, где были уложены, вверх... Они вьются, как удавы, огромными кольцами, хлещут, как волны, взбрасывая на воздух все встречное – сундуки, койки, ядра, людей; и наконец, крутясь узлом через толстый брус битенга⁹⁷, зажигают его трением. Это пеньковый тифон, от которого все летит вдребезги или бежит с воплем. Напрасно кидают в клюз койки и вымбовки⁹⁸, чтобы сдавило и заело канат, – он бежит вон неудержимо.

К счастью, на фрегате оба каната закреплены были огоном за шпор⁹⁹ грот-мачты. Удары от внезапной задержки с разбегу заставили вздрогнуть весь остов, и едва-едва уцелели стены. Якоря забрали, фрегат стал в тот миг, когда капитан, не надеясь на канаты, послал по марсам, готовясь на обрыве вступить под паруса, чтобы жестокий норд-норд-ост не выкинул его на отмели и рифы негостеприимного берега Финляндии. Осмотрелись: люди были целы, изъян ничтожен. Волнение ходило горами, дождь лился потоком, и к довершению этой ужасно-прекрасной картины невдалеке показались смерчи, или тромбы. Они очень заметны были во мраке, вздымаясь, белые, из валов, как дух бурь, описанный Камозэнсом¹⁰⁰... Голова их касалась туч, ребра увивались непрерывными молниями... Море с глухим гулом кипело и дымилось котлом около, – они вились, вытягивались и распадались с громом, осыпая валы фосфорическими огнями. Матросы с благоговейным ужасом глядели на это редкое для них явление.

– Не прикажете ли, капитан, попотчевать этих не~ вванных гостей ядрами? – спросил Нил Павлович.

– Прикажете только изготовить два плутонга пушек на оба борта, и стрелять тогда разве, когда какой-нибудь любопытный тифон вздумает пощупать нас за утлегарь. Мне не хочется делать тревоги в Кронштадте. Пожалуй, там подумают, что мы перепугались, что наша «Надежда» гибнет. – Так отвечал капитан Правин.

Миновалась опасность, но не буря. Ветер дул ровнее, но все еще жестоко, и фрегат, бросаемый волнением, то носом, то кормой ударялся в воду, разбрызгивая буруны в пену, но содрогаясь, но стена и скрипя от каждого взмаха. Половину команды распустили по койкам; другая смирно жалась у стенок. Нил Павлович с рупором под мышкою ходил по шканцам, заботливо взглядывая то на море, то на капитана, – а капитан, безмолвен, стоял, опершись о колесо штурвала. Свет лампы из нактоуза¹⁰¹ падал прямо на его бледное, но выразительное лицо. Взоры его следили вереницы летящих туч и бразды молний, их рассекающих... Он не чувствовал ни ветра, ни дождя; он долго не слышал голоса друга, – душа его носилась далеко-далеко.

Наконец Нил Павлович дернул его за рукав.

– О чем замечтался ты, Илья? – спросил он с братским участием.

Правин будто проснулся.

– О чем? Как легко это спросить, зато как трудно отвечать на это! Вихорь мыслей крутился в голове, и целый водоворот мыкал мое сердце. Если б я и умел тебе высказать все это, я бы не досказал всего до седых волос. Впрочем, нет действия без причины, и если я не смогу рассказать, о чем мечтал, то не умолчу, отчего эти мечты меня обуюли. Загадка, для чего нас

⁹⁷ Устой для крепления канатов. (Примеч. автора.)

⁹⁸ Палки, которыми вращают ворот. (Примеч. автора.)

⁹⁹ Низ. (Примеч. автора.)

¹⁰⁰ Камознс Луис (1524—1580) – португальский поэт, автор эпической поэмы «Лузиады» (1572), описывающей путешествие Васко да Гамы.

¹⁰¹ Шкаф, в котором хранится компас. (Примеч. автора.)

от всей эскадры оставили одних на кронштадтском рейде, объяснилась: наш фрегат назначен в Средиземное море; мы повезем важные бумаги союзным адмиралам и президенту Греции.

– И, верно, ядра да картечи для закуски туркам! Грот-марса-рея меня убей, мне смерть хочется сцепиться на abordаж с каким-нибудь капитан-пашинским кораблем!

– Но я, милый Нил, я краснею за себя!.. Душа моя рвется надвое: одна половина хочет пустить корни в столице, между тем как другая жаждет раздолья и битвы. Итак, думал я, чем скорее, тем лучше... сегодня же, сейчас хотел бы я вырваться из оков своих... я с радостью ждал минуты, когда нас сорвет с якорей, чтобы распустить крылья и улететь из этого чада, растлевающего душу.

– Недолга песня скомандовать на марса-фалы! Не вступать под паруса в такую темную ночь, в такую бурю!..

– В бурю? – повторил рассеянно капитан, – в такую бурю! Что значит эта буря против бунтующей в моей груди?..

Нил Павлович долго и пристально глядел в лицо друга, – наконец крепко сжал ему руку и произнес:

– Бедный Илья!

Бедный Правин! – повторю и я.

Капитан-лейтенант Правин к лейтенанту Нилу Павловичу Накорину

Что бы ты сказал, что бы подумал ты, добрый друг мой, если б увидел мои вчерашние сборы на вечер к княгине**? Я, я, которому, так же как и тебе, до сих пор все платье шилось парусником, я затянулся в мундир, шитый самым лучшим, то есть самым дорогим портным столицы, да и тот не угодил на меня. То, казалось мне, не выровнены пуговицы, то проглядывают кой-где преступные складки... там это, здесь не то... словом, я бы на вечер приехал на завтрашнее утро, если б бой часов не заставил меня поторопиться. Волосы мои натированы¹⁰² были помадою, белье пробрызгано духами; галстух не галстух, перчатки не перчатки, – верчусь перед зеркалом, молодец хоть куда. Повторив несколько раз все эволюции салюта и ордер марша по гостиной, и потом ордер баталии: «спуститься по ветру, чтобы прорезать линию неприятельских стульев, потом лечь в дрейф и начать перестрелку» – плащ на плечо, наемная карета у крыльца, качу.

Крепко забилося мое ретивое, когда Каменноостровский мост задрожал под колесами моей кареты. И вот дача князя! В окнах сияет день, сквозь цветы мелькают тени, народу тьма, – храбрость моя роняет брамсели. Однако ж, снайтовя¹⁰³ сердце, перехожу аванзалу так осторожно, будто сквозь каменистый вход в порт Свеаборга¹⁰⁴. Имя мое из уст официанта раздаётся словно боевая пушка, – во мне занялся дух, и на глаза упал туман, хоть подымай сигнал: неясно вижу!.. Но экватор был уже перейден – ворочаться поздно; вхожу, кланяюсь без прицела, краснею будто каленое ядро, верчусь направо и налево не лучше рыскливого корабля – одним словом, чувствую сам, что я так же ловок, как выброшенный на берег кит, и мешаюсь вдвое пуще. Мужские лорнеты, казалось, сожигали меня в пепел; дамские взгляды пронизывали наперекрест, будто Конгревовы ракеты¹⁰⁵; даже ковры егзили под ногами, и проклятые зеркала, это оптическое эхо, передразнивали в двадцати видах мое замешательство. О! если б знала княгиня, как дорого стоило моему самолюбию быть на такой выставке, она бы пожалела, она бы наградила меня! Вещь, которая для всякого светского повесы была бы или незначача или приятна, во мне обращалась в истинное самоотвержение... Приехав в надежде понравиться княгине, я уже трепетал за то, что не нравлюсь... Стень ложного стыда удушала меня. К счастью, эта сцена была непродолжительна. Толстяк хозяин поспешал ко мне на выручку, и сама хозяйка, привстав с дивана, так ободрительно меня поприветствовала, что душа моя распрямилась вдруг... Я гордо поднял голову, я окинул всех светлым оком: что значила для меня невзгода всех пустоцветов и пустозвонов гостиной, когда я был уже обласкан тою, чья единственно ласка была дорога мне! Гости поняли эту мысль, и ропот затих, и все улыбнулись мне, будто по приказу. Общественное мнение всегда склоняется к тому, кто не дорожит им нисколько.

Меня усадили в полукруге между каким-то кавалером посольства, который глядел на весь мир с вышины своей накрахмаленной косынки, и незнакомым офицером, от которого еще благоухало браиловскою гюлябсу¹⁰⁶. Первый надувал остроумием мыльные пузыри, другой заклинал гуриями не хуже любого ренегата, прочие гости занимались умножением

¹⁰² То есть высмолены, от английского слова tare – смола. Тируют только стоячий такелаж. (Примеч. автора.)

¹⁰³ Скрепя. (Примеч. автора.)

¹⁰⁴ Свеаборг – бывшая крепость в Финляндии, лежащая на островах у входа в гавань Хельсинки.

¹⁰⁵ Конгревовы ракеты. – См. коммент. к с. 92 тома I.

¹⁰⁶ Розовая вода; она в большом употреблении в Азии. Это арабские слова: гюль – роза и аб – вода, су (тоже вода) прибавляют азиатцы из невежества. У нас ее звали гуляф. Я гуляфпою водою белы руки мою! (Песня времен Елизаветы) (Примеч. автора.)

нуля, то есть переливали из пустого в порожнее. Самый важный спор шел о лучшем средстве чистить зубы после обеда. После неизбежных переспросов я притаился в креслах и дал полный разгул глазам и мечтам своим. Ты, не добиваясь патента на пророчество, угадаешь, к какому полюсу влекся компас мой, – это была она – истинный полюс, охваченный полярным кругом светской холодной суеты. И что такое были все эти собеседники, как не льдины: блестящие, но безжизненные, носимые ветром моды вместо своей воли и порой зеленеющие чахлыми порослями, какие видел Парри в Баффиновом заливе¹⁰⁷; и этр-то называют они цветами общества!

Но возвратимся к ней, еще к ней, опять к ней! Я пил долгими глотками сладкий яд ее взоров, – мне было так хорошо! Она шутила – я отвечал тем же... Откуда что бралось! Недаром говорят, что любовь и сводит с ума и дает ум. Когда я говорил с нею, застенчивость покидала меня; зато едва другая дама обращала ко мне слово, я краснел, я бледнел, я вертелся на стуле, будто он набит был иголками, и бедная шляпа моя чуть не пищала в руках. Ты знаешь, что я могу лепетать по-французски не хуже дымчатого попугая; но знаешь и то, что, из упрямства ли или от народной гордости, не люблю менять родного языка на чужеземный. Вот, сударь, волей и неволей господя, удостоивавшие меня своим разговором, слыша твердо произнесенный отзыв: «Я не говорю по-французски», принуждены были изъясняться со мною по-русски, и признаюсь, я не раз жалел, что не взял с собою переводчика. Охотнее всех и, к удивлению моему, чище всех говорила по-русски княгиня, – это делает честь Москве, это приводило меня в восхищение. Рад ты или не рад, а меня берет искушение послать к тебе кусочек нашего разговора, хоть я очень знаю, что разговор, как вафли, хорош только прямо с огня и в летучей пене шампанского.

Мы спорили. Княгиня верить не хотела постоянству чувствований моряков. Она называла нас кочевым народом, людьми, которые ищут двух весн в один год и гоняются за открытиями, чтобы оставить на них чугунную дощечку с надписью: тогда-то здесь был такой-то. Но разве быть значит жить? Или видеть значит чувствовать? Частые перемены мест не дают окрепнуть привязанностям до страсти, воспоминанию – до глубокого сожаления.

– Даже вы сами, – продолжала она, – вы – скиталец с ранних лет по далеким морям – признайтесь: надышавшись воздухом ароматных лесов Бразилии; набродившись по чудным коралловым островам Тихого океана или по исполинским дебрям Австралии; налюбовавшись плавучими ледяными горами Южного полюса, или волканами, раскаляющими небо своим дыханием, скажите, какова показалась вам после того болотная, плоская, туманная родина?

– Прелестнее, чем прежде, княгиня! Вы меня считаете в ощущениях ветренее всякой дамы, которая, сбросив с себя украшение, назавтра забывает или, нашедши, презирает его. Чувства нельзя забыть, как моду, и прекрасный климат не замена отечеству. Эти туманы были моими пеленами, эти дожди вспоили меня, этот репейник был игрушкою моего детства. Я вырос, я дышал воздухом, в котором плавали частицы моих предков, я поглощал их в растениях. Русская земля во мне обратилась в тело и в кости. О! поверьте мне, отечество не местная привычка, не пустое слово, не отвлеченная мысль; оно живая часть нас самих; мы нераздельная мыслящая часть его, мы принадлежим ему нравственно и вещественно. И как хотите вы, чтобы в разлуке с ним мы не грустили, не тосковали? Нет, княгиня, нет! в русском сердце слишком много железа, чтобы не любить севера!

– И в вашем тоже, капитан? – спросила княгиня.

– Я русский, княгиня: я суровый славянин¹⁰⁸, как говорит Пушкин.

¹⁰⁷ ...льдины... какие видел Парри в Баффиновом заливе. – Парри Уильям (1790—1855) – английский исследователь полярных стран. Баффинов залив (Баффиново море) – залив между Гренландией и Баффиновой землей (Атлантический океан), названной в честь английского исследователя полярных стран Уильяма Баффина (1584—1622).

¹⁰⁸ Суровый славянин – выражение, взятое из стихотворения Пушкина «К Овидию» (1821).

– Тем на этот раз хуже: я ненавижу чугунные сердца, – на них невозможно сделать никакого впечатления!

– Почему же нет, княгиня! Разгорячите этот металл, и он будет очень мягок, и потом рука времени не сотрет того, что вы на нем изобразите.

– Но для изображения чего-нибудь надо ковать молотом, а это вовсе не дамское дело.

– Терпение, княгиня, дает уменье.

– Но всякий ли, капитан, может командовать терпением, как вы «Надеждою»? Да, кстати о «Надежде», – все ли в добром она здоровье?

– Напротив, княгиня, бури ее одолели с тех пор, как вы ее оставили.

– Надеюсь по крайней мере, – продолжала княгиня, все еще играя словами о имени моего фрегата, – надеюсь, она вас не покинула!

– Все равно почти: я очень далек от нее!

– Но, как верный рыцарь, не покидаете зато ее символа: на воротнике вашем таинственно блестят два якоря.

– Заметьте, княгиня, – примолвил я со вздохом, – они с оборванными канатами.

В это время офицер, сосед мой, наклонившись сзади меня к дипломату, сказал ему вполголоса:

– *Il se pique d'esprit, ce lion marin.*¹⁰⁹

– *Oui-da*, – отвечал тот. – *Il s'en pique!*¹¹⁰

– *Et cette fois il n'est pas si bete qu'il en a l'air*¹¹¹, – примолвил первый, презрительно покачиваясь на стуле.

Я вспыхнул. Такое неслыханное забвение приличий обратило вверх дном во мне мозг и сердце; я бросил пожигающий взор на наглеца, я наклонился к нему и так же вполголоса произнес:

– *Si bon vous semble, mr., nous ferons notre assaut d'esprit demain a 10 heures passees. Libre a vous de choisir telle langue qu'il vous plaira – celles de fer et de plomb y comprises. Vous me saurez gre, j'espere, de m'entendre vous dire en cinq langues europeennes, que vous etes un lache?*¹¹²

Не можешь представить себе, как смутился мой обидчик: он покраснел краснее своих отворотов, он окинул глазами собрание, как будто искал в нем подпоры или обороны, – но все отворотились прочь, будто ничего не слышали. Наглец и тут хотел отделаться хвастовством.

– Очень охотно! – отвечал он, играя цепочкою часов. – Только я предупреждаю вас: я бью на лету ласточку.

Я возразил ему, что не могу хвастаться таким же удалством, но, вероятно, не промахнусь по сидячей вороне.

Противнику моему пришлось плохо, но мне было едва ль не хуже его. Гнев пробежал меня дрожью; я кусал губы чуть не до крови, я бледнел как железо, раскаленное добела. Невнятные слова вырывались из моих уст, подобно клочьям паруса, изорванного бурей... Присутствие людей, в глазах которых я был унижен и еще не отомщен, меня душило... наконец я осмелился поднять глаза на княгиню... Говорю: осмелился, потому что я боялся встретить в них сожаление, горчайшее самой злой насмешки... И я встретил в них участие, сострадание даже. Взоры ее пролились на мою душу как масло, утишающее валы... в них, как в зеркале, отражались и гнев за мою обиду и страх за мою жизнь... они так лестно, так отрадно укоряли и умоляли Меня!.. Я стих. Общество занялось прежним, будто не замечая нашего

¹⁰⁹ Он чванится своим умом, этот морской лев (фр.)

¹¹⁰ Да, он им чванится! (фр.)

¹¹¹ Но на этот раз он не такой болван, каким кажется (фр.)

¹¹² Если вам удобно, сударь, мы проведем наше состязание в уме и красноречии завтра после десяти часов. Представляю вам избрать тот язык, который вам нравится, – включая сюда язык железа и свинца. Вы, надеюсь, позволите мне доставить себе удовольствие сказать вам на пяти европейских языках, что вы наглец? (фр.)

а parte;¹¹³ разговор катился из рук в руки. Я чувствовал себя лишним, встал, раскланялся и вышел, но уже без замешательства, без оглядок: обиженная гордость придала мне самонадеяния.

– Мы надеемся видеть вас почаще, – молвил хозяин, прощаясь со мною.

Ступая за дверь, я обернулся... О друг мой, друг мой! я худо знаю женскую сигнальную книгу, но за взор, брошенный на меня княгиней, я бы готов был вынести тысячу обид и тысячу смертей!.. Завтра со своими пулями и страхами для меня исчезло... Всю ночь мне виделась только княгиня. Меня волновал только прощальный взгляд ее.

Петергоф, 17 июля 1829.

¹¹³ Тайного разговора (фр)

От того же к тому же (День послед)

В Кронштадт.

Брось в огонь историю кораблекрушений, любезный Нил: мое сухопутное крушение курioзнее всех их вместе, говорю я тебе. Воображаю, с каким изумлением протирали ты глаза, читая последнее письмо мое. Илья влюблен, Илья щеголь, Илья в гостинной, Илья накануне поединка!! По-твоему, все это для моряка столько же несбыточно, как прогулка Игорева флота на колесах, – и между тем все это гораздо более историческое, чем романы Вальтер Скотта. Счастливцев ты, Нилушка, что не знаешь, не ведаешь, куда забросить может сердце вал страсти. Я стыжусь других, браню себя – и все-таки влекусь от одной глупости к другой. Беднягу ум укачало на этом волнении, и он лежит да молчит и, во все глаза глядя, ни зги не видит.

Впрочем, что ни толкуй, а от прошлого не отлавируешься. Дело было сделано: поединку решено быть; недоставало только тебя в секунданты... Благодаря, однако ж, принятому поверью в Петербурге через край охотников в свидетели суда божия, как говорили в старину – удовлетворения дворянской чести, как говорят ныне – с одинаковою основательности «). В десять часов утра мы съехались, раскланялись друг другу с возможною любезностию, и между тем как секунданты отошли в сторону торговаться о шагах и осечках, противник мой, видно по пословице: «утро вечера мудренее», подошел ко мне ласковый, тише воды, ниже травы.

– Мне кажется, капитан, – сказал он мне, – нам бы не из-за чего ссориться.

– Без всякого сомненья, нам не из-за чего ссориться, но драться есть повод, и весьма достаточный: я обижен вами как человек, как русский и как офицер; пули решат наше дело, – отвечал я.

– Но как решат, капитан? Убитый будет всегда виноват, а убитым можете быть и вы.

– Что ж делать, м. г.? Я ль виноват, что в вашем свете право заключено в удаче? У бьют – так убьют! Меня повезут тихомолком на кладбище, а вы поедете в театр рассказывать в междудействии о своем удалстве.

– Вы говорите об этом по преданию, капитан. Нынешний государь не терпит дуэлей; и если кто-нибудь из нас положит другого, ему отведут келью немного разве поболее той, в которую опустят покойника. Подумайте об этом, капитан!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.